Раздел I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'26

DOI: 10.15593/2224-9389/2017.1.1

Л.Б. Бойко

Получена: 10.03.2017

Принята: 15.03.2017

Опубликована: 31.03.2017

Институт гуманитарных наук,
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта,
Калининград, Российская Федерация

«ЯЗЫК ИЗЛОМАН? ЧТО Ж! – ГЛЯДИТЕ». О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ

Язык, как и культура в целом, функционирует в рамках определенных правил, тем самым реализует нормативность моделей поведения членов языкового сообщества. Озабоченность состоянием языка свойственна не только лингвистам, но и всем пользователям этого уникального инструмента познания мира и человеческой коммуникации. Несмотря на резистентность языка к любому вмешательству, попытки управлять нормой, манипулируя ею как границей между «своим» и «чужим», имеют давнюю историю.

В статье рассматриваются некоторые аспекты языкового регулирования, в связи с чем кратко представлены понятия кодифицированной и некодифицированной, дескриптивной и прескриптивной норм. Языковая норма рассматривается как прототип, отклонения от которого являются естественным следствием развития языка. Стремление языка к конвенционализации и нормализации происходит в результате совместной речевой деятельности членов языкового сообщества. В свете отдельных исторических фактов в статье изложены соображения о том, что можно считать вмешательством в язык и каковы бывают его результаты. Ставится вопрос о видах, допустимости и перспективности языкового регулирования, в связи с чем затрагивается тема языкового планирования и языкового дирижизма. Преимущественно на материале английского языка показано, как сегодня реализуется языковая норма в ее прескриптивной функции; как языковое сообщество относится к лингвистическому регулированию, и какую социальную значимость приобретает соблюдение языковых норм или отклонение от них. Позиция дескриптивистов рассматривается как попытка нивелировать социально-разграничительную роль языка. Отмечены некоторые языковые инструменты изменения нормы. Отдельно ставится вопрос о политической корректности как проявлении прескриптивизма в языке и о социально-культурных последствиях языкового пуризма.

Ключевые слова: язык, норма, регулирование, прескриптивизм, дескриптивизм, политическая корректность.

L.B. Boyko

Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation

Received: 10.03.2017

Accepted: 15.03.2017

Published: 31.03.2017

ON SOME ASPECTS OF LINGUISTIC REGULATION

Language, like culture, is bound by rules, thereby meeting the standardized models of behaviour in a speaker community. A unique cognitive tool and a means of human communication, language is a source of profound concern to both professional linguists and laymen. Despite the fact that language resists any interference, there is a long history of attempts to control the language norm, thus manipulating the boundary it maintains between "us" and "others".

The article focuses on some aspects of language regulation, which entails the necessity to briefly outline the dichotomies of language norms: codified vs. uncoded, and descriptive vs. prescriptive ones. The language norm is considered as a prototype, deviations from which naturally occur as language evolves. The language gets conventionalized and normalized as a result of joint linguistic activities of the speech community. Through the lens of some historical facts, the paper presents some considerations regarding meddling in language use and the consequences of such interference. The issues of the types, admissibility and prospects of language regulation are raised in the context of language planning and language dirigisme. Linguistic standardization functioning as prescriptivism is illustrated with some facts from contemporary English language usage. The paper also targets the attitudes of linguistic communities to the above said regulation, alongside the social significance of the observance of language norms or deviation from them. The linguistic descriptivists' stance is viewed as an attempt to level out the social and demarcating role of language. Some linguistic tools for changing the norm are demonstrated in the framework of politically correct language. The latter is specifically targeted as a case of linguistic prescriptivism in contemporary linguistic situation, which in its turn raises the issue of the socio-cultural consequences of linguistic purism.

Keywords: *language, norm, regulation, prescriptivism, descriptivism, political correctness.*

Язык – замечательное творение человеческого разума и не только по той очевидной причине, что дает нам возможность общаться друг с другом, но еще и потому, что неизменно и повсеместно заставляет говорить о себе. Недаром известный американский лингвист С. Пинкер причисляет нас к особому виду живых существ – «словоядным» (*verbivores*)¹, по аналогии с плотоядными (*carnivores*) и травоядными (*herbivores*): *We are verbivores, a species that lives on words, and the meaning and use of language are bound to be among the major things we ponder, share, and dispute* [1, с. 24].

Мы живем в среде языка, и трудно представить себе человека, который хоть раз не участвовал бы в обсуждении каких-нибудь лингвистических явлений², от детских перлов до речи политиков или «странных» чужих язы-

¹ Мы относимся к виду словоядных – существ, живущих словами, и поэтому суть языка и пользование им неизбежно оказываются среди главных тем, о которых мы задумываемся и спорим (перевод авт. – Л.Б.).

² Судя по некоторым фактам, приводимым В.М. Алпатовым, в интересе к языку трудно превзойти японцев, которые не только могут говорить о своем языке просто при встрече (как иные говорят о погоде), но и выделяют лучшее медийное время для передач и целых сериалов на лингвистические темы [2, с. 104–105].

ков. Что уж говорить о том, какие битвы разворачиваются в профессиональных кругах и среди широкой общественности, когда речь идет об установлении и соблюдении нормы, и уж тем паче – о сохранении чистоты языка. Такая обеспокоенность, несомненно, свидетельствует о значимости социально-культурной функции этого важнейшего инструмента коммуникации. Но как давно люди стали вмешиваться в жизнь языка? Насколько язык подчиняется регулированию, и стоит ли это делать вообще? Кто уполномочен управлять языковыми процессами, и каково отношение носителей языка к такому вмешательству? В чем состоит социальная функция языковой нормы, и какие наблюдаются особенности современного внедрения нормы в языке? На эти вопросы попытаемся ответить ниже.

Норма и отклонения от нее

Как подсказывает вынесенная в заголовок цитата из В. Брюсова, в обсуждении заявленной темы ключевой должна стать идея правильности пользования языком, что вынуждает кратко обратиться к понятию лингвистической нормы и шире – нормы в общекультурном смысле. Культурная среда отличается от хаотичной, природной, тем, что организована в соответствии с правилами, которые позволяют совместно проживающим людям регулировать свои отношения. Норма, будучи верной изначальному значению слова в латыни («правило, шаблон»), устанавливает диапазон допустимых рамок этих правил. Она выполняет важнейшую роль как вообще в культуре, так и в языке, поскольку предписывает общие «правила игры». Нормы обеспечивают ясность и понятность языка для широкого языкового сообщества и позволяют выучивать язык (“[norms] make the language distinctive, intelligible within a wide speech community, and learnable”) [3, с. 701].

Подробное рассмотрение и без того хорошо изученного понятия языковой нормы во всех ее многочисленных видах (орфоэпических, акцентологических, синтаксических, стилистических норм и пр.) не является целью данной статьи, однако целесообразно уделить внимание принципиальному противопоставлению дескриптивной и прескриптивной норм. Эти термины, широко распространенные в западной школе, редко употребляются в российской лингвистической традиции – у нас норма рассматривается скорее в дихотомии «кодифицированная – неcodифицированная». Кодифицированная норма возникает в результате целенаправленного упорядочивания языка и его применения [4]. Словари и справочники – результат работы профессиональных лингвистов, и цель такой работы состоит в определении нормативных правил и границ использования языка.

Как отмечает Э. Хауген, до XIX века «вся лингвистика была нормативной» [5, с. 442], и только когда стали раздаваться возражения против вмешательства в жизнь языка, возникло противостояние между приверженцами деск-

риптивной и прескриптивной норм. Первые считали, что язык можно только описывать, но не предписывать ему законы; вторые же остались верными принципам правильности и кодификации языка. И сегодня защитники дескриптивной нормы в языке считают, что их задача – фиксировать лингвистический *status quo* и принимать все, что происходит в языке как норму, имеющую право на существование. Их позиция – полное невмешательство, поскольку язык развивается как живой организм, и все попытки встать на пути этого развития обречены на провал. Как пишет один из многих и ярых противников прескриптивизма С. Пинкер, не отрицающий, однако, само существование языкового стандарта, – указывать, как правильно говорить, это то же самое, что делать замечания дельфинам о том, что они неправильно работают плавниками, или панде, что бедняга не в той лапе держит бамбук [6, с. 370]. Такой аргумент автора, пусть и шуточный, едва ли убедит нас в том, что можно есть кашу из ладони или приходить в офис в бикини, если повезло с погодой.

Действительно, тем люди и отличаются от прочих живых существ, что осознанно творят свою культурную среду, а культура, повторим, и есть система рамок и ограничений, или норм. Как убедительно показывает М. Томаселло, язык стремится к конвенционализации так же, как вырабатываются любые другие правила совместного поведения компактно проживающей группы людей. Исходя из того, что поведение членов социальной группы регулируется нормами, автор приходит к выводу о «феномене грамматичности» – читай, языковой нормы. Он видит ее как «еще одну реализацию на практике социальных норм повседневного поведения» [7, с. 241]. В результате совместной деятельности членов языкового сообщества групповое (в том числе и речевое) поведение становится нормативным благодаря частотности употребления как поведенческих, так и языковых моделей. Соответственно, любое нарушение нормы для членов этого коллектива звучит и выглядит странно. Таким образом, нормативное и ненормативное использование языка маркирует социальные границы. Мысль о языковой норме как о границе между «своим» и «чужим» настойчиво проводил Ю.В. Рождественский: норма – это свое, а любое отклонение от нее – чужое и, следовательно, ненормативное и подлежащее осмеянию [8, с. 51].

Норму литературного языка можно также рассматривать как своего рода идеальную модель, к которой нужно стремиться. Будучи прототипической по природе, литературная норма видится как лучший образец (на любом из языковых уровней), и соответственно все ее варианты и отклонения от нормы можно описать как переход от идеального представления к реальному воплощению. Здесь мы говорим об изменчивости нормы и подвижности ее границ. Отклонения от канона есть признак развития языка, а не его деградации. Так, в английском языке давно и вопреки всем возражениям укоренился пресловутый расщепленный инфинитив (*split infinitive*); нормально говорить *you and me*, а не *you and I*; вчера произносили [privisi] и [tjuzdi], а сегодня уже

[*praivisi*] и [*choozdei*]. Если в чужом языке любые отклонения от стандарта и нововведения всегда становятся мини-открытием, то родной язык позволяет своим носителям не только наблюдать жизнь языка в реальном времени, но и участвовать в языкотворчестве, «вживаясь» в новую норму. Нарушение канонических норм в повседневном использовании языка всегда, как минимум, стремится стать нормой и признается как норма узуса. При этом характерно, что нам кажутся одинаково чужими как пока еще непривычные *гуглить* и *краудфандинг*, так и устаревшие *амуриться* или *внимать*, два столетия назад имевшие вполне легальное хождение. Это естественно, потому что языковая норма – это «здесь и сейчас».

Языковое регулирование и отношение к нему

Если язык как часть культуры не может существовать вне правил, то вопрос только в том, кто нам их устанавливает, и что нам грозит за их нарушение. Установление нормы ведь может идти от божественного авторитета, как в грамматиках Панини, Священного писания, как в арабских языках, от лица государства или, как у греков и римлян, от лица философского знания [8, с. 151]. Усилия по официальному регулированию отношений между языком и его носителями, называемые языковой политикой, в разных культурах осуществляются по-разному: одни государства проводят языковую политику централизованно через формальные институты; другие тоже это делают, но преимущественно через образовательные учреждения, печатные издания и СМИ. Причины и формы проведения той или иной языковой политики нужно искать в истории конкретного государства, и хорошо, если языковая политика трактуется как четко обозначенный языковой ориентир, ясный и понятный критерий уровня культуры речевого поведения. Помимо термина «языковая политика» и его столь же оценочно нейтрального аналога «языковое планирование» широкое распространение получили и такие понятия, как «лингвистический дирижизм» и «лингвистический пуризм», в самой семантике которых уже со всей очевидностью выражено резко отрицательное отношение к любому вмешательству в жизнь языка. В основные аспекты языкового планирования входят: выбор нормы, кодификация нормы (регистрация языковых форм), функциональная разработка (сохранение жизнеспособности языка в меняющемся мире) и внедрение (распространение нормы при помощи официальных источников) [9, с. 226]. Все действия, подразумеваемые под перечисленными терминами, либо изначально прескриптивны по природе, либо включают прескриптивный компонент, то есть они навязывают правила языковому сообществу. Очевидно, что проводятся эти мероприятия профессионалами в области языка.

В русскоязычном социуме сложилась устойчивая традиция уважения языковой нормы. Принимается при этом, что кодифицированная норма про-

тивопоставляется норме в широком смысле, или узусу, как и то, что несовпадение нормативных и речевой практики достаточно очевидно [4, с. 6]. Есть, впрочем, некоторые разногласия среди самих лингвистов относительно объективности нормативных предписаний. Так, одно только расхождение в трактовке нормы в московских и петербургских словарях, различия показаний словарей и грамматик заставляют задуматься о роли субъективного фактора в установлении нормы [10].

В современном англоязычном мире категорическое неприятие прескриптивизма и вообще любого вмешательства в жизнь языка стало притчей во языцех. Суть позиции этой обширной школы лингвистов можно выразить классическим «а судьи кто?». Действительно, в отличие от многих стран, в Великобритании и США нет специальных институтов, официально проводящих меры по языковому планированию, и «присматривают» за языком в общем-то не облеченные официальной властью индивиды – редакторы, учителя, создатели словарей и учебников; иногда правила языкопользования устанавливаются внутри институтов и организаций, как будет проиллюстрировано ниже. По мнению Эдвардса, отсутствие всякой официальной координационной деятельности в языке – это следствие давнего «отвращения» англо-саксов к любому регулированию в языке [9].

Нельзя сказать, что англоязычный мир испытывает нехватку индивидуальных радетелей о языке как просто обывателей и известных высокообразованных людей, в разных формах представляющих свое желание его сохранения или изменения. Можно вспомнить Бернарда Шоу с его настойчивым желанием упростить английскую орфографию; К. Эмиса, написавшего блестящие комментарии по корректному использованию языка в книге «The King's English»; а из относительно недавних публикаций – книгу Л. Трасс «Eats Shoots and Leaves» – крик души автора о вопиющих фактах несоблюдения правил английской пунктуации. И это лишь громкие имена, известные широко за пределами англоязычного мира. Сторонники прескриптивной (кодифицированной) нормы, которая не только фиксирует стандарт, но и предписывает следование ему, считают, что регулярное нарушение нормы расшатывает устойчивость языковой системы. В англоязычном мире такие страстные защитники языка получают довольно обидные прозвища вроде *syntax snobs*, *language police* и даже *grammar Nazis*. Сторонниками прескриптивизма нарушение нормы рассматривается как инфериоризация носителя. Не секрет, что владеющий нормативным языком человек всегда будет классифицироваться как более грамотный, образованный – отсюда неизбежно разделение на «своих» и «чужих». Забота о сохранении «чистоты» языка, таким образом, одновременно распространяется и на поддержание его социального статуса. Позиция же противоположного лагеря дескриптивистов по сути дела заключается в попытке нивелировать социально-разграничительную роль языка.

Установление правил и их нарушение: как все начиналось?

Надо сказать, что официальные попытки отрегулировать правила пользования языком «сверху» властные лица или органы предпринимают уже давно. Начало положено во Флоренции еще в 1582 году, когда была учреждена Accademia della Crusca, но образцовым регулирующим органом и по сей день считается французская l'Académie française, основанная в 1635 году.

В России еще Петр Первый начал активно участвовать в судьбе русского языка, проведя реформу алфавита (замену церковнославянской азбуки на гражданскую). Приход новой эпохи в жизни государства был отмечен не только развитием науки и просвещения, но и коренными изменениями в области языка. Так, при Петре стало поощряться, например, знание иностранных языков, прежде занятие зазорное и даже подозрительное. Однако как следствие – нормы церковнославянского языка вступили в конфликт с хлынувшим потоком новых понятий и заимствований, а это вызвало необходимость в установлении новой литературной нормы. А.И. Мусин-Пушкин, например, указывал переводчику «Географии»: «... высоких слов славенских не надобеть, но посольского приказу употреби слова» [цит. по: 11, с. 159].

В середине XVIII века В.К. Тредиаковский начинает конструировать норму литературного языка. Его концепция языкового употребления обнаруживает во многом общие черты с представлениями о языковой норме янсенистов из Пор-Рояля, то есть с воззрениями на установления языковой нормы, формировавшимися за сто лет до этого. В своей концепции рационального языкового пуризма Тредиаковский опирается на традиционное понимание узуса «большой части лучших и учнейших людей», определяя социальную базу правильного употребления преимущественно интеллектуальной средой, в отличие от среды придворной или в дополнение к ней. При этом основой правильного употребления, по Тредиаковскому, служат не столько литературные образцы, сколько постижение живого языка [12]. Поскольку Тредиаковский представлял свою теорию в Российской академии наук, то этот факт сам по себе свидетельствует об официальных инструментах установления языковых стандартов.

Таким образом, стандарт или норма языка существовали всегда, будь они установлены учебникам, указами или неписанными правилами. Однако эволюционирует язык тоже неизбежно и непрестанно вместе с обществом по причине своей социальной природы. А поскольку люди, как мы заметили, никогда не остаются безучастными по отношению к языку, любые новшества в нем часто вызывают у них реакцию неприятия. Борьба за чистоту языка и против нарушений нормы и всяческих нововведений началась давно и ведется постоянно. В зависимости от имеющихся инструментов и способов проведения языковой политики каждая культура избирает свой путь: во Франции

этим занимается облеченная властью и очень строгая l'Academie française; в России издаются законы и регулярно выходят постановления правительства, касающиеся языка, в том числе и об утверждении языковых норм. Английский язык, как уже излагалось, не получает указаний «сверху», однако, как и любой другой язык в любой другой культуре, не может время от времени не следовать заданному направлению, такому, например, как принятый в свое время за образец язык перевода Библии короля Якова (1611 г.).

В отсутствие регулирующих институтов, тем не менее, и в далекие от нас времена заботу об английском языке пытались проявить многие ученые умы. Так, еще в 1712 году Дж. Свифт в своем «Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue» требовал навсегда закрепить правила английского языка. Отрывки из трактата Свифта опубликованы в Guardian по следам найденных в архивах Британской библиотеки материалов. Вот как классик гневался на нарушителей порядка в английском языке:

These Gentlemen, although they could not be insensible how much our Language was already overstocked with Monosyllables; yet, to save Time and Pains, introduced that barbarous Custom of abbreviating Words, to fit them to the Measure of their Verses; and this they have frequently had done, so very injudiciously, as to form such harsh unharmonious Sounds, that none but a Northern Ear could endure. They have joined the most obdurate Consonants without one intervening Vowel, only to shorten a Syllable... What does your Lordship think of the Words, Drudg'd, Disturb'd, Rebuk't, Fledg'd, and a thousand others, every where to be met in Prose as well as Verse? Where, by leaving out a Vowel to save a Syllable, we form so jarring a Sound, and so difficult to utter, that I have often wondred how it could ever obtain³ [13].

Многочисленные находки подобного рода работники Британской библиотеки сделали в ходе подготовки выставки публикаций о развитии английского языка. Так, вполне в духе Свифта, в XIX веке была выпущена брошюра с требованием к представителям низших классов бросить привычку «проглатывать» согласные, если они хотят продвинуться по социальной лестнице. Это само по себе свидетельствует о социальной роли языка и норме как ста-

³ Эти господа, несмотря на то что они не могут не осознавать, насколько наш язык уже наводнен односложными словами, и тем не менее, чтобы сэкономить время и усилия, они ввели варварскую традицию сокращать слова, чтобы те умещались в метр их стихов; и делают это они так часто и так безрассудно, образуя такие грубые неблагозвучные звуки, которые вынести может разве что северянин. Они совмещают самые немыслимые согласные звуки без единого гласного между ними лишь для того, чтобы укоротить слог... Что думает Ваша светлость о таких словах, как Drudg'd, Disturb'd, Rebuk't, Fledg'd и тысячах других, которые встречаются повсюду, и в стихах, и в прозе? В них, выбрасывая гласный ради спасения слога, мы образуем такой неприятный звук, столь трудный для произнесения, что я только удивляюсь, как он мог получиться.

тусном признаке. Что касается продвижения по социальной лестнице «за счет» языка – или стоит ли современной Элизе Дулиттл корпеть над уроками, то это вообще тема для отдельного разговора, потому что, повторим, в современном толерантном английском обществе за норму преимущественно принимается норма узуса. А вот Свифт был бы огорчен: мало того, что еще за столет до него синкопированием не брезговал даже Шекспир⁴, сегодня упомянутые Свифтом слова именно так «возмутительно» и произносятся.

Итак, все свидетельствует о том, что попытки управлять языком имеют давнюю, но по большей части безуспешную историю, потому что язык крайне неохотно подчиняется любому вмешательству в его жизнь. Тем не менее попытки управлять им не прекращаются. Парадоксально, но в настоящее время именно в англоязычном мире, где громче всего звучат возражения против вмешательства в жизнь языка, наибольшее распространение получил один из видов прескриптивизма. Посмотрим подробнее только на один аспект языкового регулирования – язык политической корректности.

Что такое хорошо и что такое плохо? Об одном из видов прескриптивизма в современной лингвокультуре

Яркой демонстрацией противоречивости вопроса о нормализации в современном языке является так называемая политическая корректность. Политическая корректность как социокультурное явление эпохи глобализации в языковом плане определяется желанием найти новые способы выражения взамен тех, которые задевают чувства индивидуума, ущемляют его человеческие права в отношении его расовой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса и т.д., и выражается все это понятиями *inclusive* или *neutral language* (нейтральный язык). Рассмотрим, как благое пожелание реализуется на практике, но сначала опять обратимся к истории.

Попытки оградить человека от неприятных ощущений, которые может вызвать слово, далеко не новы: если взять только один пример, можно вспомнить издателя Томаса Баудлера (Thomas Bowdler), прославившегося тем, что он опубликовал произведения Шекспира в пуристском варианте (1818 г.). Баудлер считал, что в оригинале Шекспир со своими просторечиями звучит оскорбительно для читателя, и частично перефразировал или вымарал почти десятую часть текстов классика, освободив их от неприемлемой лексики (не считая прочих изменений). Фамилия этого блюстителя языка и нравственности превратилась в глагол *to bowdlerize* со значением «выбра-

⁴ Только на одной странице в «Гамлете»: ...thrice he walk'd / By their oppress'd and fear-surprised eyes, ...whilst they, distilled / Almost to jelly with the act of fear... My lord, upon the platform where we watch'd ... [14, p. 25].

сывать из книги все нежелательное, одиозное». Поскольку лингвистическая природа политической корректности кроется в процессе эвфемизации и гендерного нивелирования, то попытка Баудлера ввести новую норму на «приличный язык» – не что иное, как первая ласточка этого очень современного явления политкорректности.

Возвращаясь к политкорректности, напомним, что она никогда не вводилась законодательно и не регулируется какими-либо документами на государственном уровне. Уникальность концепта политической корректности состоит в том, что управление языковым поведением коммуникантов выражается во введении инноваций в пользование языком на различных уровнях локального порядка – внутри отрасли, например, или издания. Такие инновации в основном представляют собой пересмотр номинаций уже существующих понятий в сторону «улучшения значения». Высказывается предположение, что введение эвфемизма в речь представляет собой попытку заставить думать иначе. Не отголоски ли это сильной версии гипотезы Сэпира – Уорфа [15, с. 79]? Откровенно прескриптивный характер политкорректности выражается в навязывании новых языковых норм, причем англофонные страны, инициировавшие само явление политкорректности в ходе борьбы за права женщин, сексуальных и этнических меньшинств, несомненно, удерживают лидерство в пополнении политкорректного вокабуляра. Интересно взглянуть на это явление как попытку установления речевой нормы.

Приведу несколько примеров. Желание соблюсти политкорректность в религиозной сфере привело к тому, что в англоязычных странах традиционное пожелание «Merry Christmas» («веселого Рождества») стали часто заменять на «Happy Holidays» («хороших каникул») в случаях, когда оно обращено к людям неизвестного вероисповедания (например, к широкой публике). Путь эвфемизации – отказ от упоминания имени Христа, лежащего в корне слова Christmas: изначально Christ (Христос) + mass (месса). Справедливости ради нужно отметить, что абсурдность такой языковой эквилибристики в преддверии нынешнего (2017) года пытались смягчить: в газетных публикациях то и дело звучал призыв не бояться обидеть «иноверцев» пожеланиями Merry Christmas или установлением елки в офисах.

Язык как тонкий инструмент познания не может не реагировать на социальные изменения. Однако именно в области узуса попытки регулирования нередко приводят к поистине невероятным откровениям. Так, почти утихли бури по поводу переименования в паспортах пап и мам в родителей 1 и 2 (*parent 1; parent 2*) в США, и вот последние новости из Великобритании.

Британская ассоциация медицинских работников (British Medical Association, or BMA) опубликовала брошюру с рекомендациями по корректному использованию языка «A Guide To Effective Communication: Inclusive Language In The Workplace» [16]. В ней медиков просят пользоваться выра-

жением *pregnant people* «беременные люди» вместо *expectant mothers* «будущие мамы», а *breast feeding* (грудное вскармливание) заменить на *chest feeding* (тоже грудное, но без намека на молочные железы). Все эти нововведения имеют целью не ущемлять права транссексуалов. В соответствии с этими установками нельзя также называть людей «биологический/ая мужчина / женщина» (*biologically male* or '*biologically female*'), а нужно говорить «от рождения причисляемый к» или «предназначенный быть мужчиной или женщиной при рождении» (*assigned* or '*designated*' male or female at birth). В том смысле, что мало ли кем они захотят быть потом?

К таким инициативам ВМА подтолкнул случай с (официально уже мужчиной) Хейден Кросс (Heyden – имя и мужское, и женское), проходящему/ей гормональное лечение по изменению пола, которому/ой пришлось отложить финальную стадию по изменению пола (операцию) в связи со случившейся беременностью. Нельзя сказать, что эти лингвистические «новации» безмолвно принимаются всем языковым сообществом в англоязычном мире: здравые люди пишут об абсурдности таких предложений и вспоминают Оруэлла. Тем не менее так называемый *inclusive language* неустанно отвоевывает свое место под солнцем. Кто знает, не станет ли нормой то, что сегодня кажется граничащим с кафкианским бредом – вспомним вышеупомянутые исторические факты. На полях стоит заметить, однако, что в русском языке возникают трудности с описанием подобных ситуаций, как это видно из изложения выше: в английском нет гендерных флексий, тогда как русский язык вынуждает определяться с выбором рода.

Лингвистическая основа политкорректного языка – эвфемизация, но какими путями она реализуется? Не только путем замены лексической единицы на положительно коннотированный синоним, но экспликацией значения, парафразом или аббревиацией. Так, даже в почти неприступной для нововведений Франции следует теперь говорить *interruption volontaire de grossesse* (добровольное прерывание беременности) вместо *avortement* (аборт). Модель «длинного пути» использована и в таких конструкциях, уже прижившихся, как фр. *mal entendant* (с нарушениями слуха) вместо *sourd* (глухой) или *personne du troisième âge* (человек «третьего возраста») вместо *vieux* (старый); англ. *behaviourally challenged* (человек с проблемами в поведении) вместо *criminal* (преступник), или *economically disadvantaged area* (экономически неблагоприятная зона) вместо *ghetto*. Психолингвистический механизм таких преобразований прост: удлинение термина требует больше усилий для его понимания, а отсутствие негативных коннотаций якобы снижает негативное воздействия языковой единицы. Еще лучше пойти коротким путем и вышеупомянутый развернутый вариант «аборта» (*interruption volontaire de grossesse*) свернуть в аббревиатуру *l'IVG*, которая, напротив, «кодирует» концепт, делая его менее прозрачным. Результат тот же – усилий

для понимания требуется больше. Цели сокрытия прямого значения может также служить заимствование из иностранного языка. Во Франции вместо слова «poir» стали использовать *black*, а *pédé* уступило место слову *gay*.

Использование языка для оказания положительного влияния на взаимоотношения людей в обществе само по себе есть признание силы языка как инструмента культуры. Однако остается вопрос: достигается ли результат при введении новой номинации взамен старой? Меняется ли отношение к лицу в результате улучшения значения?

Как и следовало ожидать, однако, в английском языке, где доминирует политкорректность, уже есть свидетельства того, что даже «переназав» объект или явление, мы не меняем отношения к человеку: новое слово приобретает те же коннотации, которые на поверку оказываются важнее, чем денотат. Достаточно вспомнить эволюцию эвфемизмов в «туалетной» сфере, где слова от «уборной» до «сортира», «туалета» и прочих сменяли друг друга без устали. Д. Кейтан по этому поводу приводит, цитируя *The Daily Telegraph*, неутешительные наблюдения за новациями из области *inclusive language*: *Children nowadays are described as having learning difficulties and what has happened? Other children have started to refer to them as LDs, which is no different from calling them morons or spastics, is it?*⁵ [15, с. 78]. Таким образом, люди привыкают к новому слову и опять ощущают дискомфорт от неприятных ощущений. Адаптивность языкового сознания к новому позволяет бесконечно менять норму словоупотребления.

Толерантное отношение к нарушению нормы на любом уровне языка, от фонетического до синтаксического, стало неотъемлемым фактом современного англофонного языкового социума: отклонение от нормы рассматривается как новая норма. В этом случае мы говорим о доминировании нормы узуса (дескриптивной нормы). На поверку оказывается, что противостояние «прескриптивизм против дескриптивизма» выражается самым парадоксальным образом: с одной стороны, в языке разрешено все, с другой, в области лексики введены жесткие ограничения. Таким образом, прескриптивизм в значении «грамотность», будучи далеко не в почете, нашел свою нишу в виде навязывания политкорректного языка. Настойчивое внедрение политкорректных форм высказывания имеет все признаки попытки регулировать языковое поведение людей. Язык не без оснований считается мощным орудием управления людьми; более того, по мнению К. Ажежа, скрытое свойство языка «служить потаенным источником власти» не может не привлекать саму

⁵ Теперь [их] называют детьми с задержкой психического развития – и что? Их стали обзывать ЗПРниками, что ничем не лучше, чем дураки или паралитики (перевод авт. – Л.Б.).

власть, а умение пользоваться языком открывает доступ к ней [17, с. 192]. Такой потенциал языка раскрывает одно из проявлений его социальной роли.

Требования соблюдать политкорректность часто доводятся до абсурда и вызывают разные реакции – от улыбки до искреннего негодования. Высказать свое отношение к этому явлению, однако, решаются далеко не все. В Великобритании широко известен случай с Р. Ханифордом (Ray Honeyford), директором школы в Драммонде, на севере страны. В его школе было только 10 % белых учеников, и еще в 1985 году директор прославился статьей под названием *Education and Race*, в которой среди прочего раскритиковал ложное отношение властей к тому, что в языке насаждается «лингвистическая мультикультурность» (*linguistic diversity*), что ведет к набирающему скорость языковому хаосу (*rapidly mounting linguistic confusion*). По сути дела детям разрешают писать и говорить без правил, смешивая языки, то есть практически обучают пиджину. К сожалению, такая дерзость не осталась для директора школы без последствий: в конечном итоге он проиграл суды и его вынудили уйти на пенсию раньше положенного времени, в 52 года [18].

О том, что лингвистический дирижизм отнюдь не безобиден и для культурного наследия, свидетельствует другой яркий пример. По многочисленным сообщениям газет [19, 20], издательский дом New South Books в Алабаме объявил о публикации двух известнейших романов М. Твена о Томе Сойере и Геккельбери Финне, убрав оттуда слово *nigger* (упомянуто 219 раз) и заменив его на *slave*; *Injun* – оскорбительное название индейцев – тоже вымарано. Чем не баудлеризм? Такие шаги в угоду политкорректности приводят к искажению авторской интенции и в целом исторически правдивой языковой картины мира.

Некоторые выводы

Дуализм функционирования языка в обществе проявляется в противоборстве стандартизации и разрушения всех и всяческих границ, устанавливаемых никем другим, как самими пользователями языка. Весь ход развития языка показывает, что попытки вмешательства в его жизнь имели мало шансов на успех. Тем не менее современные методы лингвистического регулирования, преимущественно вводимые на «местном» уровне, демонстрируют парадоксальную картину торжества прескриптивизма в лексической сфере на фоне полной свободы от нормативных ограничений на других уровнях языка.

Не секрет, что владеющий нормативным языком человек всегда будет классифицироваться как более грамотный и образованный. Поскольку из этого неизбежно следует разделение на «своих» и «чужих», противники прескриптивизма рассматривают требования к строгому соблюдению языковой нормы как инфериоризацию носителя языка. Позиция дескриптивистов по сути дела заключается в попытке нивелировать социально-разграничительную роль языка;

напротив, забота о сохранении «чистоты» языка нацелена, кроме прочего, и на поддержание его социальной функции.

Язык политической корректности представляет собой яркое проявления прескриптивизма, принимающего форму языкового пуризма. Следует заметить, что лингвистический прескриптивизм сегодня не ограничивается рамками английского языка, но завоевывает позиции даже в культурах, строго ограждающих свой язык от посягательств на его неприкосновенность.

Заинтересованное и неоднозначное отношение языкового сообщества к лингвистическому регулированию лишь подтверждает социальную значимость соблюдения языковых норм или отклонения от них.

Список литературы

1. Pinker S. *The Stuff of Thought*. – Penguin, 2008.
2. Алпатов В.М. Японские стереотипы в отношении языка // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 101–113.
3. Bowerman S. Norms and Correctness // Brown K. (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics, Second Edition*. Vol. 8. – Oxford: Elsevier, 2006. – P. 701–703.
4. Крысин Л.П. Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении*, – 2007. – № 2 (14). – С. 5–17.
5. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // *Новое в лингвистике*. Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 441–472.
6. Pinker S. *The Language Instinct*. – Penguin, 1995. – 370 p.
7. Томаселло М. Истоки человеческого общения. – М.: Языки славянских культур, 2011.
8. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М.: Высшая школа, 1990.
9. Edwards J. *Language and Identity*. – Cambridge University Press, 2009.
10. Беликов В.И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 357–377.
11. Якубинский Л.П. Реформа литературного языка при Петре I. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 159–162.
12. Власов С. Концепция правильного языкового употребления у Тредиаковского и французские теории *bon usage* XVII–XVIII веков // *Литературная культура России XVIII века*. Вып. 3. – СПб., 2009. – С. 75–104.
13. Flood A. Our ever-changing English [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/aug/19/english-language-british-library-books> (дата обращения: 15.01.16).
14. *The Works of Shakespeare. The Tragedy of Hamlet* / ed. By E. Dowden. Methuen & Co. LTD. 36 Essex Street. – 6th edition, revised. – London, 1928.
15. Katan D. *Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. St. Jerome Publishers. – Manchester, 2004.

16. Adams S., Manning S. Don't call pregnant patients 'mothers': Doctors are banned from using the word over fears it will upset those who are transgender [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4167632/Don-t-call-pregnant-patients-mothers.html#ixzz4XF60hETi> (дата обращения: 30.01.17).

17. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2006.

18. Honeyford, R. Education and Race – an Alternative View [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/3654888/Education-and-Race-an-Alternative-View.html> (дата обращения: 30.11.16).

19. Messent P. Censoring Mark Twain's 'n-words' is unacceptable. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2011/jan/05/censoring-mark-twain-n-word-unacceptable> (дата обращения: 30.11.16).

20. Kehe, M. The 'n'-word gone from Huck Finn – what would Mark twain say? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.csmonitor.com/Books/chapter-and-verse/2011/0105/The-n-word-gone-from-Huck-Finn-what-would-Mark-Twain-say> (дата обращения: 20.01.15).

References

1. Pinker S. The Stuff of thought. Penguin, 2008.
2. Alpatov V.M. Iaponskie stereotipy v otnoshenii iazyka [Japanese stereotypes relating to language]. Stereotipy v iazyke, kommunikatsii i kul'ture. Ed. by L.L. Fedorova. Moscow, RGGU, 2009, pp. 101–113.
3. Bowerman S. Norms and correctness. In: Brown K. (ed.). Encyclopedia of language and linguistics, Second Edition. Vol. 8. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 701–703.
4. Krysin L.P. Russkaia literaturnaia norma i sovremennaia rechevaia praktika [Russian language norm and modern speech activities]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007, no. 2 (14), pp. 5–17.
5. Khaugen E. Lingvistika i iazykovoe planirovanie [Linguistics and language planning]. *Novoe v lingvistike*. Vyp. VII. Sotsiolingvistika. Moscow, 1975, pp. 441–472.
6. Pinker S. The Language instinct. Penguin, 1995. 370 p.
7. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniia [The origins of human communication]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011.
8. Rozhdestvenskii Iu.V. Lektsii po obshchemu iazykoznaniiu [Lectures in general linguistics]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1990.
9. Edwards J. Language and Identity. Cambridge University Press, 2009.
10. Belikov V.I. Stereotipy v ponimanii literaturnoi normy [Stereotypes in interpreting language norm]. Stereotipy v iazyke, kommunikatsii i kul'ture. Ed. by L.L. Fedorova. Moscow, RGGU Publ., 2009, pp. 357–377.
11. Iakubinskii L.P. Reforma literaturnogo iazyka pri Petre I. Izbrannye raboty. Iazyk i ego funktsionirovanie [Reformation of standard language under Peter the Great. Selected works. Language and its functioning]. Moscow, 1986, pp. 159–162.
12. Vlasov C. Kontseptsiiia pravil'nogo iazykovogo upotrebleniia u Trediakovskogo i frantsuzskie teorii bon usage XVII-XVIII vekov [Trediakovsky's conception of appropriate language usage and French theories of bon usage in XVII-XVIII]. *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*. Iss. 3. Saint-Petersburg, 2009, pp. 75–104.
13. Flood A. Our ever-changing English. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/aug/19/english-language-british-library-books> (accessed 15.01.16).

14. The Works of Shakespeare. The Tragedy of Hamlet. Ed. E. Dowden. Methuen & Co. LTD. 6th ed., rev. 1928.

15. Katan D. Translating cultures: an introduction for translators, interpreters and mediators. Manchester, St. Jerome Publishers, 2004.

16. Adams S., Manning S. Don't call pregnant patients 'mothers': Doctors are banned from using the word over fears it will upset those who are transgender. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4167632/Don-t-call-pregnant-patients-mothers.html#ixzz4XF60hETi> (accessed 30.01.17).

17. Hagege C. L'homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. Paris, Fayard, 1996 (Russ. ed.: Azhezh K. Chelovek govoriashchii. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2006).

18. Honeyford R. Education and race – an alternative view. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/culture/3654888/Education-and-Race-an-Alternative-View.html> (accessed 30.11.16).

19. Messent P. Censoring Mark Twain's 'n-words' is unacceptable. Available at: <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2011/jan/05/censoring-mark-twain-n-word-unacceptable> (accessed 30.11.16).

20. Kehe M. The 'n'-word gone from Huck Finn – what would Mark Twain say? Available at: <http://www.csmonitor.com/Books/chapter-and-verse/2011/0105/The-n-word-gone-from-Huck-Finn-what-would-Mark-Twain-say> (accessed 20.01.15).

Сведения об авторе

БОЙКО Людмила Борисовна

e-mail: boyko14gmail.com

Кандидат филологических наук, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Российская Федерация)

About the author

Lyudmila B. BOYKO

e-mail: boyko14gmail.com

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)